Ein Gespenst geht um in Europa…
Karl Marx, Friedrich Engels. 1848.
Призрак бродит по Европе…
Карл Маркс, Фридрих Энгельс. 1848.

По планете Призрак бродит,
заслоняя солнце тенью.
На народы страх наводит,
будто стала жизнь мишенью.
Но откуда он явился?
Где он жил, судьбе не внемля?
Словно коршун где-то вился
и внезапно — пал на землю!

По планете Призрак бродит —
через страны, океаны,
и повсюду колобродит,
напуская в мир туманы.
Никнет всё, где он промчится,
как трава под табунами!
Как торнадо мир зачистит,
и в умах пройдут цунами…

Бродит Призрак, что-то ищет
то в песках, то в Антарктиде,
среди льдов с песками рыщет,
их беспечность ненавидя.
Словно сыплет соль на раны,
по Земле несёт раздоры,
покрывает мир, нам данный,
злом из ящика Пандоры…

Бродит Призрак по Европе,
повергая страны в смуту.
В склоках, как в болотной топи,
тонут люди, веря плуту.
Блуд ползёт сквозь тьму столетий
меж вождями и послами,
сея грех среди мечетей
и крестов с колоколами.

И в мой дом проник тот Призрак,
над моей смеясь судьбою!
Кто мне вбросил в душу искру,
обжигая всё собою?
Высь — как мамы взгляд сияет,
и в той светлой голубизне,
словно ласточки, порхают
мои помыслы о жизни.

Между мною и бумагой —
то ль навар, а то ли пена.
Разум мой, кипя отвагой,
вдаль умчится, как из плена,
то ли в мир унылых хижин,
то ли в райские равнины,
то ли в дни, где я увижу
завтрашнее время сына.

Там, деля наш мир на части,
режут Землю пулемёты.
Пауки там, точно сласти,
пьют нутро из самолётов.

Муравьи останки танков,
как поживу к себе тащат.
То ль под Курском те останки,
то ли в Сирии горящей.

Громыхают децибелы,
грохот речь людскую глушит!
Я руками неумело
заслонить пытаюсь уши.
Но конец предвидя Света,
я не голову сжимаю,
а в руках своих планету
от погрома защищаю.

Как азартно, зло премьеры,
короли и президенты,
рушат веру и без меры,
разжигают инциденты.
То в политику играют,
расширяя санкций список,
то трубу перекрывают,
чтобы нефтепровод высох.

Мир в угрозах страшных тонет,
испуская стон хрипящий.
Ну а я держу в ладонях
череп свой, огнём горящий.
То ли в нём пылает магма,
то ли в нём мой мозг вскипает,
то ль уже в клубах тумана
мир в последний срок вступает…

Может, вслед за Иисусом,
что вещал Завет в народе,
мне прожить судьбу не трусом,
а открыть всем путь к свободе?
Или — вслед за Моисеем
указать всем в рай дорогу?
Мы Коран прочтя, успеем
с Мухаммадом выйти к Богу…

Но как листьев шум над лесом —
так шумят над нами сплетни.
Не под Богом, а под бесом
мы живём на белом свете.
Коммунизма Призрак страшен
многим был, обманчив, злобен…
Не с того ль весь мир продажен,
что он Дьяволу подобен?

Олигархам — мало денег,
генералам — мало пушек,
депутатам в учрежденьях
мало кожаных подушек.
Алчность гложет ум банкиру,
долларов ему всё мало,
а вождям — лишь власть над миром
обрести недоставало.

Каждый лично строит планы,
чтобы править всей Землёю.
Я ж — держу в ладонях страны,
омывая их слезою.
Ничего не в силах сделать —
нет ни действия, ни слова,
есть порыв души и смелость,
но на всём — висят оковы.

Как же надо сохранить мне
эту Землю во Вселенной
и не дать порваться нитям —
тем, что держат мир нетленный?
Я сберечь обязан ветры,
красоту полей цветущих,
рощи, горы, реки, кедры
и средь них — людей живущих!

Пусть вода водою будет,
пусть зерно на нивах всходит,
пусть нас птицы пеньем будят,
а печали — прочь уходят.
Пусть рождаются поэты,
те, которых долго ждали,
и стихами их воспеты
будут солнечные дали!

Но из гущи лихолетий,
где сжигали жизни войны,
выйдет страшный Призрак Третьей
мировой грозящей бойни!
До войны лежит лишь малость
(аж планета поседела!),
и до битвы нам осталось
шаг один всего лишь сделать.

Или кто-то крикнет в давке:
«Нас вожди зовут к победам!»
И взовьются «Томагавки»,
«Искандеры» взмоют следом.

Но не страшно ль нам, чтоб вирус
загрузил в компьютер некто —
чтоб из рук орбиты вырвясь,
в бездну канула планета?

Видно, должен я кому-то
оторвать язык за фальшь их,
чтоб не трогали компьютер
и Земля летела дальше.
Так какие же молитвы
мне читать всё время, чтобы
на планете стихли битвы
и не стало больше злобы?

Ни расширить нашу Землю,
ни уменьшить — невозможно!
Годы завтрашние внемлют
только слову, что не ложно.
Но опасны миру речи,
что с фашистов грех снимают
за освенцимские печи,
где людей в огне сжигают.

Кто меж Западом с Востоком
скажет слово как посредник,
бой унявший, тот пророком
миру явится последним!
Кто до севера и юга
сверх религий достучится,
тот навеки станет другом
всем душой и сердцем чистым!

Мир, что Божьим словом создан,
чтобы жить всегда и ныне,
меря высь путём межзвёздным,
не сгорит ли вдруг в гордыне?
Ну а Шар Земной, однажды
превратившись в лёд от стужи,
или, высохнув от жажды,
станет Богу вдруг ненужным.

Что ж! И я умру в Отчизне,
где навек отцы уснули.
Не хочу уйти из жизни
ни от бомбы, ни от пули.

Я пройду счастливым гостем
по своей дороге трудной.
Жизнь хочу прожить без злости
и с любовью обоюдной.

Я хочу, чтоб птицы пели,
чтобы расцветали страны,
чтоб не висли параллели,
не рвались меридианы.
Чтобы разум человека
не слабел ни на минуту,
чтоб от века и до века
шли мы к счастью и уюту.

Чтоб ни в чём не сомневаться
ни на празднике, ни в тризне,
и с восторгом упиваться
бесконечной негой жизни!
Лучше сладкого урюка
в доме мальчик появился —
то у старшего у внука
сын второй на днях родился!

И живу я, сердцем веря,
что никто в судьбе отныне
на него не прыгнет зверем,
детства радость не отнимет.
А над ним всегда лучиться
будет купол небосвода —
ясный-ясный, чистый-чистый,
точно взгляд его народа.

Так мой корень родословный
стал ещё на жизнь длиннее!

...Ну, а вдруг тот корень кровный
пеплом призрачным истлеет?
Будто мучимый мигренью
или духом демонизма,
бродит в мире грозной тенью
Призрак...
Но — не коммунизма.

2017, ноябрь.
Перевод с татарского
Николая ПЕРЕЯСЛОВА.